

ЛЕЙТЕНАНТ

МАРИНА ЧЕРНОШНУТОВА
Родилась в 1968 году в поселке Нузедеево Немеровской области. Окончила Тайгинский техникум железнодорожного транспорта и филологический факультет Немеровского государственного университета. Работала электромонтером на ПО «Азот», учителем

русского языка и литературы, редактором детской газеты «Свежий ветер». В настоящее время — педагог дополнительного образования. Публиковалась в журналах «Литературный Нузбасс», «После 12», «Огни Нузбасса», «Нузнецкая крепость», альманахе «Ирнутское время». Автор книг стихов

«Джинсовый монах» (1996), «Ни строим, ни хором», «Святые гвозди» (2014). «Нороль поэтов» в Красноярске (2014), участник Международного фестиваля поэзии на Байкале (2017). Живет в поселке Нузедеево Немеровской области.

Жителей в Чернушке осталось — девять старух да Сервал, директор давно закрытой школы, прозванный так от самого первого своего появления в деревне.

И вот Сергей Владимирович опять шел в школу... И не по времени, и торопливо...

Юля окликнула от калитки:

— Случилось чего?

Директор неопределенно махнул вперед и продолжил торопиться, насколько позволяла старческая походка. Юля в несколько минут догнала его, пошла рядом. Она на ногу еще скорая. На пенсии всего ничего.

— Начальство едет... На двух машинах, — через одышку проговорил Сергей Владимирович.

Юля вздохнула. Вспомнила, как ворчал старик после выборов: «Ой, не к добру они понаехали, показуху устроили».

На ходу, заметив в окне Макариху, Юля жестом показала, чтобы та шла за ними в школу. Остальных и звать не надо, сами поймут: что-то неладно.

Да нет, никто у окна не сидит и специально за соседями не следит. Просто давно жизнь последних стариков Чернушки так размеренна, что любое отклонение становится заметным. Вот взвизгнул пес Макарихи радостно. Утром это его приветствие никто и не заметит. Чего замечать? Сервал в школу с обходом ковыляет. Вот если Шарик утром промол-

чит, не поздоровается, тогда заметят, забеспокоятся старухи. Не может Сервал обход пропустить. А тут — днем! Да еще Юля рядом... А уж если еще и Макариха закандыбохается следом — это уж какое там неладно? Это совсем набат какой-то.

— Ну вот, успели, — открывая трясушимися руками замок, улыбнулся старик. — Еще отдышусь, поди, до них. Вы, Юлия Николаевна, свет включите и чайник поставьте. Хрен они нас врасплох застанут.

— Ой, а к чаю-то чего? — озаботилась Юля.

— Заварка есть, сахар есть... Конфеты там, — отмахнулся. — Да и не будут они... Холодно. Я уж хотел совсем на зиму все закрывать, — посмотрел на пол. — Анна Васильевна помыла после выборов. Сейчас натопчут, — покачал головой с сожалением. — Немытым придется в зиму оставлять...

— Да, поди, Бог даст еще теплых деньков, — попыталась ободрить его Юля.

Сергей Владимирович улыбнулся одобрительно, как будто пятерку поставил: спасибо, мол, на желании утешить. Обоим понятно, что минусовая температура уже из школы не выйдет до весны. А весной Сервал каждое утро будет открывать все окна, а вечером закрывать, чтобы просушить здание.

Видел Сергей Владимирович, как на выборах глава района его осматривал. Оценивал. Прикидывал, наверное, на что использовать можно. Хвалил:

«Совхоз загнулся. Сколько предприятий в районе угробили в перестройку, сколько школ закрыто... Все по кирпичикам разобрано-разворовано. А в Чернушке школа – любо дорого, хоть завтра открывай». Ну и про него, Сергея Владимировича, что, мол, на таких земля держится... Герой, мол, патриот... Больше всего удивлялся, что электричество не обрезано. А чего там удивляться? Везде у Сергея Владимировича бывшие ученики есть. И в сетевом участке нашелся – Игорек Шабанов. Когда школу закрыли, приехали электрики, как раз Игорь с напарником. Покумекали в три головы, да и придумали совсем простенько: обыкновенный домашний счетчик в школьном складе нашелся, установили его в кочегарке, оформили документы на соседний адрес. Там дачники живут. Игорек тумблер сделал. Летом дачники к счетчику подключены, зимой – школа. Оплата – копейки. Только лампочка над дверью по ночам. Сервал платит исправно. Дачники довольны: школу проверяют каждый день – и дача под присмотром. Летом, наоборот, с их фонаря двор школы тоже освещается. И ночи короткие. Электричество вроде и не нужно. А сетевики хоть и бывают изредка, так дальше трансформаторной будки сроду не заезжают. Общий расход с оплатой совпадает, значит, никто электричество не ворует. Должников тоже нет. Если опора какая заваливаться начнет, Сервал раньше проверки достанет звонками.

«А ведь даже не спросил, кто оплачивает, – подумал директор. – Что ж ты не удивился, что счета тебе не приходят? Или плохой ты хозяин, Андрей Иванович, – едешь на объект, не ознакомившись с документами, или хитрый – не спросил, потому что невыгодно тебе спрашивать».

За такими мыслями и застали его гости. Лица все незнакомые. За двадцать-то лет никого почти из прежних людей в районных кабинетах не осталось. Только глава территории – Оксана Игоревна – знакома, конечно. Она и позвонила, что глава района пожаловал и сейчас выезжают вместе в Чернушку.

Андрей Иванович Мирошнев остановился посреди фойе за несколько шагов перед Сервалом, развел руки, как будто подойти и обнять собрался:

– Ну, вы всегда на посту! – Повернулся к свите. – Вот старая гвардия! – Дескать, учитесь.

Свита всячески одобрительными кивками, улыбками и шутивными ложно скромными возгласами «Куда нам?» выразила свой восторг и согласие.

– А мы, Сергей Владимирович, хотим вахтовиков в вашей школе разместить. В Мурахах промкомбинат строить будем.

Сергей Владимирович сразу представил прелести такого соседства. Ужаснулся: «Веселую старость девкам устроил. Лучше б растащили, как у всех».

– Это школа, Андрей Иванович. Под общежитие не дам, – сказал тихо, но твердо, даже с вызовом.

Глава района продолжал улыбаться, но улыбка его отделилась от глаз. Глаза как-то остановились, не понимая, что же им делать: удивиться, возмутиться, раздавить...

А свита отреагировала мгновенно. Застыла. Как?! Что это?! Зачем?! Они не могут говорить вот так, а он может. В их оцепенении смешались удивление и восторг, недоумение и ненависть, ошеломление и испуг.

– Ну как вы можете не дать мне государственное здание? Оно же на балансе района стоит. – В голове главы было искреннее недоумение, за которым слышалось: «Ты дурак, что ли?»

Свита одобрительно забормотала. Из-за спин послышались голоса старух, дотелепавшихся малопомалу в полный состав:

– Чего там у вас стоит?

– С ваших балансов все давно лежит.

– Все ухайдокали: ни магазина, ни клуба, ни фермы...

– Ага. Школу еще не добились...

Свита невольно распалась по обе стороны от старух, а те стали продвигаться вперед к начальнику с каждым словом, раз пространство освободилось.

– Подождите... – Глава запнулся на мгновение, подбирая в уме слово для обращения («бабушки» нельзя, «дамы» смешно, «господа и товарищи» еще смешнее), но этого мгновения ему хватило, чтобы понять невыгодность обстановки и сменить тактику. – Подождите, женщины. Сергей Владимирович, давайте по-доброму все обсудим.

– В коридоре доброго разговора не бывает. Милости прошу ко мне в кабинет.

Свита опять ошалела: ну борзой старикан. А старухи хоть и успокоились немного, но вслед уходящим продолжали не то страшать, не то себя подбадривать:

– Ничего. От бандюков отбивались, а тут-то...

Помолчали. Наверное, задумались, почему им начальство легче бандюков кажется. Переговариваясь вроде бы между собой, но для ушей свиты, завели речь о том, что даже если милиция приедет, стрелять не имеет права, а они костями лягут, с голоду и холоду сдохнут (а чего им уже за жизнь-то цепляться, пожили свое), но чужаков не пустят. Да лучше разберут сами...

Свита сбилась в кучку. Молчала. Вышла Юля:

– А у меня чайник вскипел. Давайте чайку попьем. Согреемся. Холодно же.

Свита замялась. А вдруг не договорятся там, в кабинете, а они чаи гоняют с мятежной деревней? Отказаться – а вдруг опять же не угадают... Им и смешно было, что, как придурки, перед старухами не знают как себя вести, и непонятно, и дико, и что-то давно забытое будоражило.

– Цирк какой-то, – прошептала самая заметная тетка.

Бабка Селезнева спохватилась:

– Точно! Я ж пирогов принесла, – протянула вперед большую авоську. – Хотела уж по гостям идти, а смотрю – все в школу. Ну, думаю, и хорошо. Сразу все вместе и помянем Петю-то моего.

Старухи заахали: точно ж год сегодня, как Петя-то ушел. Из свиты кто-то было попробовал отказаться, но Макариха урезонила:

– Негоже это, от поминального отказываться.

Так сказала, что никто перечить не решился.

А в кабинете директора уставший приводить доводы глава района уже просто так, совсем безнадменно спросил:

– Сергей Владимирович, ну зачем вам все это?

Сервал посмотрел на него долго, как бы оценивая, надо ли объяснять, поймет ли... Вздохнул и решил попробовать:

– Ты фильм «Государственная граница» помнишь? Серию про 41-й год?

– Это где боец в конце пограничный столб вкапывал?

– Ну да. Лейтенант Карпухин. Немцы валили столб, а он его снова ставил...

– Ну? – кивнул глава, даже не заметив, что с ним разговаривают как с учеником, на «ты». – Видел.

– Так вот... Я ничего не понимаю, Андрей Иванович. – Сервал снова перешел на «вы». – Не понимаю, что и почему сейчас происходит. Не понимаю, как так могло все легко порушиться... Кто враг? Что за война? Я не понимаю... Но я понимаю, что я тот лейтенант. И вот это (показал в окно на деревню) – моя застава, а вот это (ткнул пальцем в пол) – мой пограничный столб.

Мирошнев вытер лицо ладонью от нереальности. И дело даже не в том, что старик прям раритет какой-то. Тихо приходило осознание, что вот он есть, совершенно реальный, и с ним действительно ничего не сделаешь, потому что он... И Мирошнева больно резануло, он аж подскочил и навис над стариком:

– А я при таком раскладе, значит, фашист?

Он смотрел в глаза Сергея Владимировича и постепенно успокаивался. Не было в них ни вражды,

ни ненависти, даже веселое что-то появилось. Сервал поднял палец:

– Заметьте... Не я это сказал...

И они оба захохотали, настолько точно был скопирован Велюров*.

А дальше без слов понятно, что бутылочка из сейфа дождалась свободы. Только открыли, разлить было собралась, Юля с пирогами и чаем пожаловала от общего стола. Вроде причины отдельно в кабинете сидеть не осталось. Спустились к народу. Помянули раба божия Петра. Проводили гостей.

– Ну вы ж у меня алкашки, оказывается, – делано удивлялся Сервал, закрывая школу.

– А ты думал, с тобой, хрычом, не пьем, так и с glavой фарт пропустим? – задорно подбоченилась Макариха.

– Да конечно! – всплеснула руками Юля. – Это ж у него карьера бы не сложилась: с Макарихой не пил!

Старушки захихикали, вспоминая, кто когда и по какому поводу последний раз пропустил рюмашечку. Шли по деревне, галдели, как школьницы, в который раз заново проговаривая сказанное в школе, передразнивая друг друга и подначивая Сервала. А он поспешал между ними, благостно улыбаясь: «Отбились, кажется, да и девкам моим месяца на два впечатлений хватит, хоть ворчать друг на друга не будут».

* Велюров Аркадий Варламович – персонаж фильма «Покровские ворота».